

Хань Дуй аж встрепенулся. «А парень-то далеко пойдёт! — восхитился он про себя. — Надо же, успел заговорить первым. Сразу видно — родственная душа».

«Поймавший волну» юноша поспешно пригласил Хань Дуя сесть:

— Позвольте представиться: меня зовут Чжао Юнцзинь, я из столицы провинции. Честное слово, я не подслушивал нарочно, просто случайно уловил, что вы из Великой бригады Хунсин коммуны Хунвэй. Хотел бы расспросить вас кое о чём. Вопросов у меня немало, так что присаживайтесь, поговорим не торопясь.

Видя такое радушие, Хань Дуй спорить не стал и опустился на стул. Кивнув остальным двоим, он повернулся к Чжао Юнцзиню:

— Товарищ Чжао, а меня зовут Хань Дуй. Все мы — классовые братья, а уж коли встретились, то сама судьба велела. Спрашивайте о чём угодно, скрывать ничего не стану.

Сев, он наконец смог разглядеть лицо того, кто до этого сидел к нему спиной, и невольно залюбовался. Черты незнакомца буквально приковывали взгляд. За всё время, что Хань Дуй провёл в этом мире, ему встретились лишь двое мужчин с настолько выразительной внешностью: его старший брат Хань Ган и этот парень. Правда, они представляли собой две абсолютные противоположности. Хань Ган был уродлив до дрожи, а этот — потрясающе, до глубины души красив.

Заметив, что Хань Дуй разглядывает его соседа, Чжао Юнцзинь поспешил представить его:

— Товарищ Хань, это товарищ Цинь, мой... родственник.

Затем он указал на третьего спутника:

— А это товарищ Цзян Юньфэй, мы вместе учились.

Хань Дуй с улыбкой поздоровался с обоими. Цзян Юньфэй вежливо ответил на приветствие, а вот Цинь Чжи ограничился лишь едва заметным кивком.

Хань Дуй спокойно отвёл взгляд. Каким бы видным ни был этот красавец, сыт созерцанием не будешь, так что он вернулся к разговору с Чжао Юнцзином.

Двум столь открытым и общительным натурам, чтобы сойтись, много времени не требовалось — они мгновенно нашли общий язык.

Пока Хань Дуй всюду развлекал новых знакомых, Ли Цяньцзинь с приятелями замерли у порога в полном недоумении. И уйти глупо, и оставаться неловко — так и застыли

памятниками у дверей. Официантка уже дважды закатила глаза, явно собираясь выставить незваных гостей вон, но, покосившись на солидный стол Чжао Юнцзиня, всё же сдержалась.

Тут Чжао Юнцзинь спохватился, вспомнив про оставшихся спутников Хань Дуй, и вежливо предложил:

— Может, позовём ваших друзей к нам?

Хань Дуй небрежно отмахнулся:

— Да ну, зачем, стульев на всех не хватит. — Он обернулся к застывшей у входа четвёрке: — Сяофа, возвращайтесь на автовокзал без меня. Я здесь побуду, поболтаю с товарищами.

Ли Цяньцзинь зыркнул на Чжао Юнцзиня и его компанию. Он понимал, что если они сейчас подсядут, беседа выйдет натянутой. Да и не обладал он такой феноменальной наглостью, как Хань Дуй, способный сойтись с кем угодно. К тому же его задело, что этот столичный пижон обратился к Хань Дую, проигнорировав его самого. «Слепой придурок, — злорадно подумал Ли Сяофа. — Из города приехал, а в людях совсем не разбирается!»

Кипя от негодования, Ли Цяньцзинь увёл свою троицу прочь. Напоследок он наградил Хань Дуйа испепеляющим взглядом, но тот даже ухом не повёл, продолжая весело болтать с Чжао Юнцзином.

Как только за ушедшими захлопнулась дверь, Чжао Юнцзиня будто прорвало.

— Товарищ Хань, мы с одноклассником приехали по распределению в вашу коммуну, — заговорщицки начал он. — Как по-вашему, в какую производственную артель нам лучше попроситься?

— Так вы из новой партии образованной молодёжи? — удивился Хань Дуй. — А почему так рано?

— Да нам повезло с оказией, — улыбнулся Чжао Юнцзинь. — Родственник ехал в эти края на машине, вот мы и увязались с ним. Подождём остальных ребят, а потом вместе явимся в администрацию коммуны.

Хань Дуй понимающе кивнул.

— Буду с вами откровенен, — продолжил Хань Дуй, возвращаясь к теме. — Наша коммуна — дыра дырой, бедность тут беспросветная. Но вы ведь променяли благополучный большой город на наши края явно не ради праздной жизни. Вы приехали менять отсталую деревню и строить новое социалистическое общество! Поэтому лично я советую вам проситься в мою артель — Восьмой отряд. Пусть сейчас мы едва сводим концы с концами, но у нашей бедности, знаете ли,

свой неповторимый колорит. А потенциал каков! Перспективы просто безграничные.

— Вот как? — Чжао Юнцзинь загорелся любопытством. — Товарищ Хань, а можно поподробнее?

Он торопливо откупорил бутылку лимонада и придвинул собеседнику. Хань Дуй сделал глоток, солидно откашлялся и начал:

— Начнём с уникальных черт нашего Восьмого отряда. Раньше наша артель называлась деревней Ханьли. Расположение у нас — лучше не придумаешь: кругом горы, чистейшие реки, пейзажи живописные, а люди — золото, простые и радушные. Гостей встречают как родных, трудятся не покладая рук и постоянно тянутся к новому. Сами посудите: чтобы вам, городской интеллигенции, развернуться на бескрайних просторах села, нужны три столпа: благоприятный момент, щедрая земля и согласие в народе. Сейчас пролетарская революция бурлит по всей стране, дела идут в гору — вот вам и благоприятный момент. Наша природа — это щедрая земля. А трудовой пыл масс — народное согласие. Получается, у нас есть абсолютно всё!

— Товарищ Хань, а ведь верно говорите! — Чжао Юнцзинь даже хлопнул ладонью по столу.

Цзян Юньфэй, который держался куда сдержаннее своего товарища, негромко спросил:

— Товарищ Хань, вы твердите про простоту и радушие ваших односельчан. Но глядя на то, как вы только что общались со своими спутниками, я заметил скорее... острую классовую борьбу.

Забегаловка была крошечной, столы стояли вплотную, так что их перепалку с Ли Цяньцзином приезжие расслышали во всех подробностях.

Чжао Юнцзинь опешил: «А ведь и правда». Он с сомнением уставился на Хань Дуй.

Хань Дуй лишь добродушно улыбнулся и спокойно ответил:

— Товарищ Цзян, а вы наблюдательны! Всё верно, между мной и товарищами идёт борьба. Но разве Председатель не учил нас: «Только через критику и самокритику, через борьбу мы можем прийти к истинному единству»?

Хань Дуй и сам точно не помнил, звучала ли цитата именно так, но, судя по тому, что никто из троицы его не поправил, вышло вполне убедительно.

Цзян Юньфэй и Чжао Юнцзинь молча переглянулись. Против слов Великого Кормчего не попрёшь.

— Товарищ Хань, — снова подал голос Чжао Юнцзинь, — а как поживают те ребята, что приехали к вам из прошлых выпусков? Как у них с бытом?

Хань Дуй ненадолго задумался:

— Я ведь только в этом году окончил школу, до этого почти всё время проводил на учёбе и с ними мало общался. Но выглядят они бодро, духом не падают. Нашему отряду они принесли неоценимую пользу — делятся знаниями, приобщают к передовой культуре. Кто-то устроился в сельский медпункт, кто-то преподаёт в школе. Кое-кто обучает крестьян передовым методам разведения кур и кроликов, другие ведут занятия в вечерней политшколе. В общем, всеми силами помогают нам, бедным и средним крестьянам, налаживать новую жизнь.

Расспросив Хань Дуя ещё о паре мелочей, Чжао Юнцзинь окончательно укрепился в решении проситься именно в его артель.

И тут неожиданно подал голос молчаливый товарищ Цинь:

— Товарищ Хань, мне кое-что неясно. Раз уж у вашего Восьмого отряда есть всё — и момент удачный, и земля щедрая, и народ дружный, — почему же вы до сих пор прозябаете в такой нищете?

Чжао Юнцзинь и Цзян Юньфэй так и замерли. Действительно, а почему?

Хань Дуй покосился на красавца. «И чего тебе на месте не сидится? — сердито подумал он. — Сидел бы себе тихо, радовал глаз девичьей красотой. Обязательно нужно было вставить свои пять копеек?»

Но вслух Хань Дуй ответил без тени смущения:

— Товарищ Цинь, наш отряд бедствовал лишь потому, что я тогда ещё не подрос, да и вы до нас не добрались. А теперь все звёзды сошлись, дело осталось за малым — за нами с вами. Согласны?

За столом повисла оглушительная тишина.

Спустя минуту Чжао Юнцзинь, решив разрядить обстановку, громко рассмеялся:

— Ну и уморили вы меня, товарищ Хань! С вами точно не соскучишься. Уверен, с таким другом наша деревенская жизнь заиграет новыми красками.

— Взаимно, товарищ Чжао! — подхватил Хань Дуй. — Мы ведь с вами сразу почуяли родственные души. Как обживётесь в нашем отряде, по любым вопросам — сразу ко мне, чем

смогу — помогу!

Но язвительный красавец товарищ Цинь не унимался:

— Товарищ Хань, неужели все крестьяне в ваших краях такие же радушные и... простые?

Хань Дуй посмотрел на него самым кротким и ласковым взглядом, на какой только был способен, и мягко спросил в ответ:

— Товарищ Цинь, скажите, а в ваших краях все мужчины столь же ослепительно красивы?

Товарищ Цинь лишился дара речи.

Чжао Юнцзинь расхохотался и поспешил ответить за кузена:

— Ну и загнули, товарищ Хань! Хотя, если честно, похожие на него у нас найдутся, но чтобы прямо все как один — это уж дудки.

Хань Дуй одобрительно поднял большой палец, выдав похвалу тоном строгого школьного учителя:

— Сразу видно начитанного человека! Товарищ Чжао, вы явно на «отлично» усвоили теорию вероятностей и законы диалектики. Вот и я о том же! Как могут все наши крестьяне быть моей точной копией? Это же чистой воды ненаучная фантастика.

В оставшееся время Хань Дуй больше не баловал Цинь Чжи вниманием, полностью сосредоточившись на беседе с Чжао Юнцзинем и Цзян Юньфэем.

Разговор затянулся часа на полтора. Наконец Хань Дуй поднялся, тепло попрощался с новыми знакомыми, и они договорились пересечься чуть позже у автовокзала.

Выйдя на улицу, Хань Дуй тут же заметил торчащие из-за угла физиономии Ли Цяньцзиня и Ли Болана. Надо же, караулят!

В глазах Хань Дуя Ли Цяньцзинь свою историческую миссию уже выполнил — сытный обед за его счёт был получен, а значит, полезный дурак больше не требовался.

Хань Дуй резко развернулся, юркнул в неприметный переулок и в два счёта оставил преследователей с носом.

Не спеша обходя оживлённые улочки, он направился к автовокзалу. Площадь перед ним так и

кишела народом: повсюду теснились телеги, запряжённые ослиами и быками, грохотали тракторы. Кое-где стоял транспорт от соседних коммун и артелей — все съехались встречать новоприбывшую городскую молодёжь.

Хань Дуй прогуливался между повозками с самым безмятежным видом.

Вскоре он заприметил мужчину средних лет, который слонялся без дела точно так же, как и он сам. Одет незнакомец был в строгий серый френч-маоиста, из нагрудного кармана солидно поблёскивало перо авторучки, лицо выражало глубокую думу, а шаг был чинным и неспешным.

Сделав круг, они неизбежно столкнулись нос к носу.

Мужчина приветливо кивнул Хань Дую:

— Здравствуй, молодой товарищ. Тоже приехал встречать образованную молодёжь?

Хань Дуй вежливо кивнул в ответ.

— А из какой ты бригады? — поинтересовался незнакомец.

— Из Восьмого отряда Великой бригады Хунсин.

— Слышал, в этот раз людей прибывает немало, — нахмурился мужчина в сером. — Как думаешь, у вас в артели с их расселением трудностей не возникнет?

Хань Дуй внимательно пригляделся к собеседнику. Важная осанка, манера держаться, солидные вопросы... Не иначе как крупная шишка из парткома коммуны или руководства бригады.

Впрочем, какая разница? За спрос денег не берут, а показать себя с лучшей стороны никогда не помешает.

Хань Дуй изобразил на лице крайнюю озабоченность:

— Ох, товарищ, наша артель ведь из беднейших. За последние годы к нам прислали столько ребят, что все пустующие хаты и даже часть амбаров забили под завязку. Боюсь, с этой партией придётся туго. Поговаривают, кого-то даже придётся подселать прямо в крестьянские семьи.

— И как к этому относятся местные жители? — живо поинтересовался мужчина. — Готовы люди делить кров с городской молодёжью?

— За всех говорить не стану, чужая душа — потёмки, — скромно потупился Хань Дуй. — Но за себя скажу твёрдо: я только «за». Во-первых, это государственная политика и личное указание Председателя, наш священный долг — поддержать его всеми силами. Во-вторых, ребята уехали из родных домов, оторвались от семей, чтобы привезти нам передовую культуру и опыт рабочего класса. Нам, беднякам и средним крестьянам, выпала уникальная возможность поучиться у них. В-третьих, как говорил Великий Кормчий, они едут в деревню получать перевоспитание от трудового народа. Мы просто не имеем права ударить в грязь лицом и показать себя эгоистами! Так что, если в артели совсем не останется жилья, я без колебаний отдам новоприбывшим собственную комнату, а сам как-нибудь перебьюсь.

Мужчина в сером так и расплылся в довольной улыбке:

— Прекрасные слова, молодой товарищ! Не ожидал встретить в таком юном возрасте столь высокую сознательность. Как тебя зовут?

— Благодарю за добрые слова, это всё благодаря мудрым заветам партии. Меня зовут Хань Дуй.

Выяснять имя собеседника Хань Дуй не стал — излишнее любопытство могло всё испортить. Обменявшись ещё парой дежурных фраз о видах на урожай, они вежливо распрощались.

Сделав ещё один почётный круг по площади, Хань Дуй наконец приметил Хэ Ци, который возился у колхозного трактора.

Увидев Хань Дуй, старик так и замер с гаечным ключом в руке:

— Хань Дуй? А ты чего один-то? Где остальные парни?

Хань Дуй мгновенно напустил на себя самый скорбный и несчастный вид:

— Да Ли Сяофа с Сяобо опять от меня нос воротят. Минхуэй и Сяоцзян порывались остаться со мной, помочь, да куда там — те двое их чуть ли не силой уволокли. Вот убейте, дядя, не понимаю: если я так противен Ли Сяофа, зачем он на коленях умолял меня поехать с ними?

Хэ Ци только беззвучно зашевелил губами. Он явно хотел что-то сказать, но в итоге лишь тяжело вздохнул и сочувственно похлопал парня по плечу:

— Эх, сынок, молод ты ещё. В этой жизни надо быть проще, не высовываться лишний раз.

Не успел Хань Дуй ответить, как над площадью разнёсся зычный крик:

— Автобус пришёл! Приехали!

Хэ Ци тут же подобрался и скомандовал:

— Ну, пошли встречать наших гостей из города.

<http://bllate.org/book/19655/1988352>